

Журнал секретных наблюдений

«Журнал секретных действий, намерений, случаев и перемен, бывших в Тайцзинском Государстве с 1772 по 1782 года», находящийся в фондах НИО рукописей РГБ, представляет собой собрание сведений о Китае того времени, подготовленное Алексеем Агафоновым (ум. 1794), Федором Бакшеевым (ум. 1787) и Алексеем Парышевым. Его авторы находились в эти годы в Пекине в составе Шестой русской духовной миссии (1771–1781). Главой Миссии был архимандрит Николай (Цвет) (ум. 1784). Все они были взяты в Миссию из Тобольской духовной семинарии. Сведения, вошедшие в журнал, как видно из предисловия авторов, собирались ими в период пребывания в Пекине, а сам текст был представлен приставу Василию Игумнову. В это время российские власти начинают уделять больше, чем прежде, внимания сбору информации о Китае. Примечательно, что в «Журнал» внесены сведения не военного, а политического и культурологического характера. Его авторов интересовали действия властей Китайской империи и настроения подданных. Работа полна уникальных сведений, включая, например, изложение рассказа о книге даосского бессмертного Ли Тегуая и беседы с солонями о существовавшем у них отношении к русским.

После возвращения из Китая Агафонов, Бакшеев и Парышев были приняты на службу в Коллегию иностранных дел и оставлены в Иркутске. В 1786 г., после смерти переводчика А. Леонтьева, Ф. Бакшеев был переведен в Петербург, а после смерти последнего в 1787 г. на его место был переведен А. Агафонов. А. Парышев до 1809 г. служил переводчиком при Сибирском генерал-губернаторе. А. Агафонов опубликовал ряд переводов с маньчжурского, а Ф. Бак-

шеев подготовил первый маньчжуро-русский словарь.

Антон Владыкин (1761–1811), автор «Рапорта», фрагмент которого публикуется вместе с дневником, окончил Троице-Сергиевскую семинарию и был направлен в Пекин в составе следующей, Седьмой миссии, во главе которой стоял о. Иоаким (Шишковский). Приводимые им сведения дают дополнительный материал для понимания основ китайской внешней политики в тот период. В рамках официальной идеологии Китайской империи император рассматривался как повелитель не только Китая, но и иных стран, а другие государства – как данники. Рапорт Владыкина дает определенную информацию о том, насколько в Китае в то время понимали несоответствие доктрины реальному положению дел.

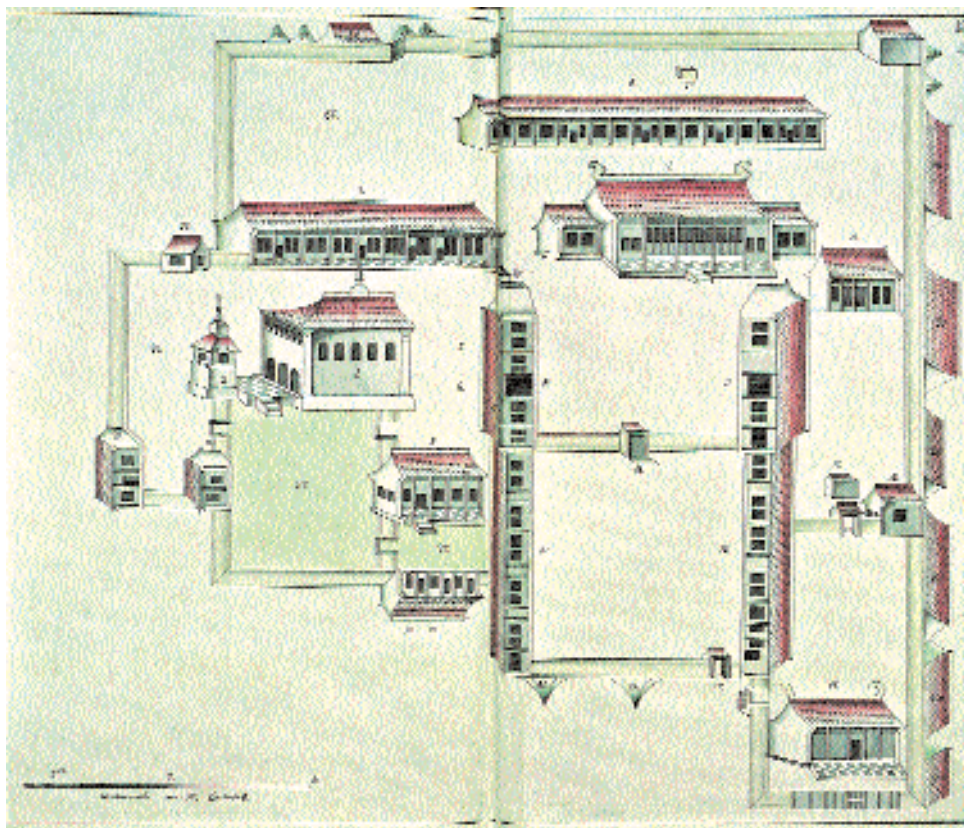
После возвращения в Россию А. Владыкин служил переводчиком в Коллегии иностранных дел, в 1798–1801 годах преподавал китайский и маньчжурский языки в школе при Коллегии.

Впоследствии «Журнал» и рапорт А. Владыкина вошли в качестве приложения в «Продолжение дипломатического собрания дел между Российским и Китайским государствами. С 1764 по 1796 год», составленное И. Колосовым (1839 г.). В работах по истории востоковедения о «Журнале» упоминалось достаточно давно, однако сам его текст, как и текст рапорта Владыкина, никогда не публиковался.

Сведения об А. Агафонове, Ф. Бакшееве и А. Парышеве приводятся по книге *Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения.* – М., 1977.

К. Тertiцкий,
доктор исторических наук, профессор
Института стран Азии и Африки при МГУ

План русского монастыря и посольского двора в Пекине, снятый в 1808 г.

*При посланной свите в Пекин отправленному Приставу
Коллежскому Регистратору Василью Игумнову
Объявление
от учеников Манчжурскаго и Китайскаго языков*

В силу даннаго вашему благородию от главной команды Секретнаго наставления о разведывании действий здешних и секретов, изволили спрашивать у нас, как о бывших случаях и переменах в здешнем Дайцинском Государстве в бытность нашу, так и о секретных действиях и намерениях здешней стороны; но мы и прежде исполняя верность к Отечеству своему, всеми силами старались о разведывании секретных действий и намерений, какие имеют Китайцы в отношении к окрестным Государствам, а особливо России; ибо во всю бытность нашу в Пекине, то у приятелей спрашивали, то через великия подарки выведывали у здешних Китайцов и записывали, тем собрали журнал таковых случаев и действий и хотели сами лично представить Главной Команде; а поелику предписано вашему Благородию в секретном наставлении, чтобы через нас разведывать о здешних происшествиях и секретах, то для того мы ныне вашему Благородию и подаем с объявлением готовый журнал, который мы вели чрез всю бытность нашу в Пекине, и просим, дабы изволили вы доставить его в главную команду на рассмотрение: и если что либо главная команда соизволит у нас в дополнение, или изъяснение, спросить, то в чем ложно будет, и исполнить готовы.

Российская государственная библиотека. НИО рукописей. Фонд 273 (К.А. Скачков), к. 27, ед. хр. 2, лл. 204-212 об., 225-226 об., 232 об. – 240, 261 об. – 265, 272-273 об.

Текст воспроизводится с сохранением орфографии, пунктуации и языковых особенностей оригинала. Приведены оригинальные иллюстрации из «Продолжения дипломатического собрания...»

Журнал
секретных действий, намерений, случаев
и перемен, бывших в Тайцинском Государстве
с 1772 по 1782 года

1

По приезде нашем в Пекин сперва не слышно было никаких перемен во всем Государстве; но потом воспоследовали вред и урон Государству наносящая перемены; во первых возобновилась война в западнополуденных краях¹ с Народом, называемым по Китайски: Миоудзы или Мянъ-дзы², а по Европейски Пегуанцы, которая погасала было прежде, о чем и в истории значится с 11 до 15 года царствования сего Небом возведенного Императора³, и потом несколько раз возставала и погасала, что было при Мингуне и при Фугуне, которые не могли совершенно их победить, но всегда с великим уроном и безчестием отступали; а в нашу бытность в Пекине Император посылал три раза армию противу Миоудзов, каждый раз по сту тысяч; но все его предприятия намерения в том были тщетны, пока не отправил он Графа Агуя Главным Фельдмаршалом над Армией против Мегуанцов. Граф Агуй принявши от Императора власть главнаго Фельдмаршала, прибыл в Армию, которая еще тогда была под предводительством другаго неискуснаго фельдмаршала, который к побеждению сего народа не мог никаких сыскать способов и неискусным своим правлением во многих приступах много терял Армии; но Граф Агуй, прибыв туда и видя неудобный приступ к народу сему, ибо народ сей зовомый Миоудзы, или Пегуанцы, защищаются от Манжурскаго и Китайскаго войска неудобовосходными горами; он чрезвычайную употребил хитрость и не слыханный, к побеждению народа того, вымыслил способ. Зная, что никаким способом не можно великую и тяжелую артиуру ввозить на превысокия и не удобовосходныя горы, сыскав несколько удобнаго места, приказал Армии, взяв по малому куску меди, восходить на горы, при том же велел и прочаго запасу взять столько, сколько можно нести человеку идущему на неудобовосходную и стремнистую гору. Потом возведши Армию на горы, с великим поспешеством велел из той меди лить пушки, что в скором времени и учинено было, и он приготовивши артиуру, начал сверху на них стрелять и нападать, и тем навел страх на Пегуанцев; ибо видя они неприятельскую армию уже на своих горах, которыя горы им прежде щитами были, а тогда неприятелю сделались батареями, с отчаянием уже производили свои действия; однако Граф Агуй, будучи обнадежен чаемою победою, не престававал продолжать свои движения противу безпокойнаго народа, приступал и нападал на них всею силою до толе, пока не мог овладеть их нырищами, и овладев ими, все свое тщание употреблял, дабы поймать их Князя. К несчастию того Князя предался от него один изменник и перебежал в Манжурскую сторону; он объявил им удобный проход к нырищам их, и пристойный случай к нападению и поиманию Князя их, чрез что и попал несчастный Князь в руки своих неприятелей. Когда по Указу Богдыханову был допрашиван, для чего он зачинал войну с столь великой Империей, отвечивал, что не он начал ее, а отец его, но я де отцово дело должен был совершить. Однако Богдыхан велел его казнить и весь род его расхитить в плен. По завоевании и расхищении Княжества того, посылал Император Астронома, имянем Феликса-Рочу⁴, для описания земли той; который сняв карту с мест той земли, вскоре возвращен был в Пекин. Одержавши победу над Пегуанцами, приказал Армии возвратиться; а на встречу победителя Графа Агуя, Главнаго Фельдмаршала Армий, сам Император выезжал до Шандунской Губернии, и выслал ему носилки, желтою материею покрытыя; и встретив того победителя, много веселился. Потом опубликованы были манифесты на желтой бумаге, писанные во всяком Приказе и во всяком публичном месте, каковыя Манифесты случалось нам многократно читать; они были писаны в такой силе, что Император, милуя народ, не велел собирать на Армию поборы, но все велел из казны выдавать: и по глашению тех Манифестов употреблено было на войну Лан серебра. При том же много хвалил в Манифестах армию свою; а наипаче хвалился много тем, что и Вань-луна бунтовщика истребили, в то же самое время сказывая, что де обыкновенно нашей Армии везде победы одерживать. По окончании же всего, Император наслал Указ в Церемониальную Коллегию, чтобы сочтено было, сколько в продолжении той войны войска побито: и по изчислению оказалось,

VI.

Журналь
секретныхъ дѣйствій, намереній,
слуховъ и перемятъ, бывшихъ въ
Тайцинскомъ Государствѣ съ 1772
по 1782 года.

1

По приѣздѣ нашемъ въ Пекинъ спора
ва не слышно было никакихъ перемятъ
во всемъ Государствѣ; но потомъ вос-
последовали вредъ и уронъ Государст-
ву наносившія перемяты; во первыхъ во-
зобновились война въ западотолуденныхъ
краяхъ съ Народомъ называемымъ по
Китайски: Мюудзы или Мань-дзы, а
по Европейски Тегуанцы, которая по-
касаема было прежде, о томъ и въ исто-
ріи значится съ 11 до 15 года царство-
ванія сего Небѣль возведеннаго Императора,

что чиновных и простых солдат пало на сражениях 80 000 человек. Сказывал нам о сем изчислении Офицер той Коллегии.

<...>

2

В разныя времена имели мы как с Манжурами, так и с Китайцами дружественные обращенія, и в тех дружественных многократных обращеніях свидаяся часто, как ласкою, так и подарками, приобрели мы многих друзей из которых некоторые весьма открыто дружились с нами и многія нам открывали таинства, которыя касаются особливо до Государства. Они все подробно сказывали, что прежде паденія Китайскаго Царства происходило; не скрывали как Манжурское Царство настало; не утаивали и того, что впредь происходить будет: и с край-

ним сожалением говаривали природные Китайцы, что де не дожидаться нам того, чтоб были наши природные Государи. Сие слово уславав мы наипаче ласковее с ними стали разговаривать и спрашивали причину, почему долго настать не могут Китайские Ханы. Они говорили, что был пророк в их Государстве при Юн-Ло-Хане⁵ тогда, как начинался Пекин, и тогда-де тот пророк предвещал какие Государи будут владеть Северной новоначинаемой столицей, т.е. Пекином. А пророк тот чином был Тоусы⁶, имянем Тегуань-Доужин⁷. Он пророчествовал, что в новоначинаемой Столице во первых от полудни будет Царствовать Хань-Хун-у, т.е. Минскаго Царства Хун-у-Хана поколение⁸; то уже и самым делом миновало. Во вторых с Западу-де-будет Царствовать Юн-Дмин т.е. Лидзы-Чын⁹, разбойник, который, взявши Пекин, 18 дней был на Престоле, и потом выгнан был Манжурским Ханом. В третьих с востоку будет Царствовать в Пекине Хан-Шуньжи¹⁰, т.е. первый Манжурский Хан, вступивший в Китайское государство, коего поколение и до ныне царствует и имя царства есть: Дай-Цин. Потом говорили они: теперь о прошедшем и настоящем вы известны, а впредь что будет происходить, мы вам скажем секретно, но просим вас, чтоб никому не объявлять. На что им отвечали, что поелику мы весьма дружелюбно обращаемся с вами, то для чего другому кому скажем. Они еще с сожалением крайним продолжая речь свою, говорили: вы видите на самом деле, что Пророчество оное не ложно. Был Хан-Хун-у: был Юн-Джин: а Шунь-джи Хана поколение и теперь царствует, и совершенно знаем, что по пророчеству оному после Манжурских Ханов, уже в Четвертых в Пекине Царствовать будет Тайдзи¹¹, т.е. Мунгальский¹² Ханы Чингис-Хана поколение. А некоторые толкуют, что Царевич Китайскаго Хана был тайно увезен в Мунгалию и будто от того поколения будет Хан в Пекине; но того ли, или не того, однако будет в Пекине Царствовать Тайдзы т.е. Мунгала. Сие-де и сам Император Манжурский знает; и для того Императоры Манжурские за выгодность поставляют, чтоб Мунгальских Ханов и Князей многими снабдевать подарками. Еще они предразсудили, чтоб Мунгальских Ханов сделать своему Двору родственниками, ибо Ханы Манжурские отдают дочерей своих за Мунгальских Ханов и Ванов с великим приданым для того, чтобы не учинили в скорости измены. Еще Манжурские Ханы предусмотрев, что им некогда должно возвращаться на свое старое место, для того каждегодно отправляют превеликое множество серебра в Манжурию, под видом тем, будтобы на жалованье в тамошних краях состоящему войску, о чем ниже показано в пункте 16-м. Еще же и другая есть причина тому, для чего Манжурский Хан отдает дочерей своих за Мунгальских владельцев. Сказав сие перестали говорить и пошли домой: однакож мы еще приласкали их подарками для изведения и той причины. Они видя нашу ласку и обещаемые подарки, обещались в иное время объявить. Но потом один из друзей тех пришел, то был подьячий, родом Китаец, и тайно сказывал, что Манжурский Император особливо боится России в таком разсуждении, что поелику Мунгалам следует в Пекине Царствовать; но будучи они разбиты на многия княжества, не могут по себе великую армию составить, то дабы в таком случае не возбудили на помощь им Россию. Сие разсуждая Император и ведая того Пророка книгу, в которой писано, что возстанет великая брань издалека с западносеверной стороны и прч: много остерегается. Сия причина побудила его, под смертной казнию, запретить, чтоб никто не имел и не продавал книгу ту: однакож Мунгалы, в Пекине живущие и знающие Китайский язык, не безызвестны о том пророчестве, которые может быть и сообщают Мунгалам, живущим в степях. За объявление сего секрета много дарили того подьячего.

<...>

7

1780 года Февраля месяца 2-го числа приезжали к нам в Российский Посольский Двор два офицера, которые нам прежде не были знакомы, сказывали о себе, что они рода Манжурскаго, а в службе находятся во Дворце при церемониальных делах; да и вид их показывал придворными, понеже они кроме шишек на шапках имели павлинья золотыя перья; и между прочими разговорами спрашивали нас, что во время сражения с неприятелем ваши воины какое надевают кожаное платье, что ружейная пуля не берет, и правда ли это? Говорили они, что мы о сем уже неоднократно слышали, только такой кожи не видавали, и какая б была такая кожа, которая б могла удерживать пули. Мы на их вопрос ответствовали, что наши Российские солдаты, когда выходят на сражение с неприятелем, то как конница, так и вся пехота, всегда за правила имеют надевать оное кожаное платье, потому во время сражения наши солдаты безопасно бьются и не боятся пуль ружейных. При сем спросили они, какого зверя эта кожа, и где этот зверь живет? что мы слыша, едва от

смеха удержавшись, говорили им; этот зверь живет в Северном море подо льдом, который временем и на берега выходит, и когда выйдет, тогда его промышленники ловят. Кроме сего еще говорили мы им, этаго зверя кожи по большей части получает наша Империя ежегодно в дань из вновь покореннаго владения, на островах Севернаго моря, и[з] сего Государства наша Империя не иное что в дань берет, как только знатную рухлядь да ваши упоминаемья кожи, кои выделав мягко, и шьют на всю армию военные кафтаны. По ответе нашем оные офицеры выпили по чашке чаю и возвратились домой. А чрез несколько дней узнали мы, что Хан чрез кого-то известился о этой коже, а не знал с какого она зверя, и потому секретно посылал тех офицеров и велел им спросить нас о той коже, в таком намерении, что подлинно ль есть такая кожа и где она берется.

<...>

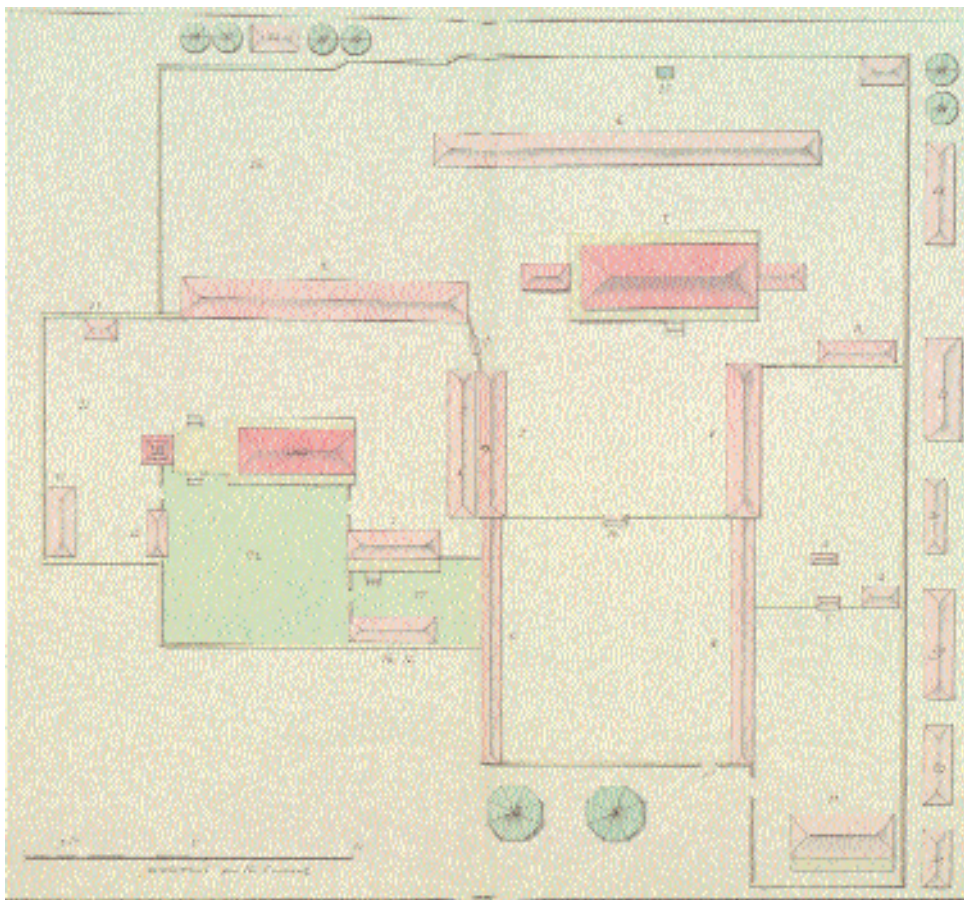
10

В бытность нашу в Пекине, для получения кормоваго жалованья каждаго месяца в первое число, ходили мы в Трибунал Китайской, и в разныя годы и месяца неоднократно видали наших российских перебежчиков и пленников¹³; с некоторыми из них удавалось и говорить. В первый раз видели мы девятнадцать человек, кои при измене калмык были взяты в полон; во второй раз четыре человека пойманных калмыками на рыбной ловли; третий раз троих перебежчиков убежавших из Нерчинскаго завода, кои привезены были в Трибунал Мунгальский, и прежде их еще допроса, подали от себя прошения к Манджурскому Хану, и в том прошении представили причину бегства их, что российские Начальники по напрасну их мучат, а потому в России им трудно жить стало; а при том говорили, что ныне в российском Государстве старая вера переменялась и в изображении креста не так слагают персты, как деды и прадеды их слагать научали; о чем Хан находясь в сомнении, послал из придворной канцелярии одного знатнаго офицера с секретным наставлением в Трибунал Мунгальской и велел призвать туда одного российского Ученика и спрашивать о том, как вера переменялась, и что то значит изображение креста. Когда ученик для вопросов уведен был в Трибунал, то в тоже самое время по Секретному Указу от Хана прислан был еще другой офицер для большаго удостоверения в Посольский Двор, которой такожде о вере и о кресте спрашивал у других учеников. И как в Трибунале, так и в Посольском Дворе ответ был одинаков, и эти наши ответы и письменныя сказки представлены были к Хану. После чего сих трех перебежчиков приказано послать в ссылку в дальнейшия разныя Губернии, ибо Манджурский Хан всегда имеет такое правило, что сколько бы из России перебежчиков ни было, никогда двоих или троих в одно место не посылает, а разсылают их каждаго в разныя места. После нескольких дней старались мы этих перебежчиков поданное на имя Ханское прошение получить; в скором времени точное их оригинальное письмо и получили, которое писано было на весьма скверной китайской бумаге неукуратными литеррами в следующих словах

Просьба

К Вашему Богдыханскому Величеству от нас от людей Русских: Петра Смолина с товарищами Семеном и Сидором. Мы идем к особе Богдыханскаго Величества с покорностью и хотим платить дань, мы пришли ныне прошась к Вашему Богдыханскому Величеству от людей, которые живут у Царя Белаго под заводом: житие худо, судьи злые разоряют, хотят итти к Вашему Величеству с женами и семьями, а нас послали с прошением: всех людей наряжается человек пятьдесят, или сто, или более. Ваше Богдыханское Величество нам даст место, хорошо жить станем дань давать как и в протчих Государствах примают, место дают жить. Ваше Богдыханское Величество вольных нас прими, и того ради мы идем, у нас вера переменялась, у нас дома, у меня Петра Смолина жена, четыре сына, у Семена четыре брата; а отпустите одного меня Петра Смолина по жену и по детей покорные мы слуги вам Богдыханскому Величеству.

Поданное сих перебежчиков прошение Трибунал приняв, приказал перевести Российскаго языка Переводчикам на Манджурский язык, кои перевели и представили в доклад к Богдыхану; но переводчики самую силу их прошения не поняли, и потому по их прошению и не сделалось; ибо они перебежники с тем единственно пришли в Тайцынское Государство, чтоб прежде уведомить Хана, что кроме их еще многие желают предатся в Китайское Государство, и ежели Хан согласится их принять, то эти перебежники хотели итти обратно в завод и привести единомышленную их дружину, но чаяние их втуне осталось,

План русского монастыря и посольского двора в Пекине. 1808 г.

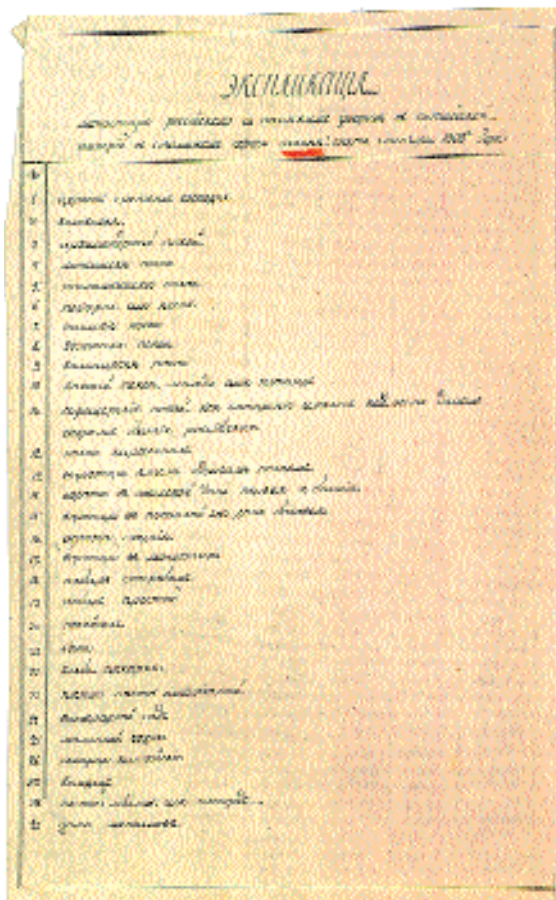
потому что переводчики невыразумели их прошения, и не внушили того Хану, что они хотели отправиться назад для привозу других. Копия с подданного прошения перебежчиков, которая на Манджурском языке, переведена была в такой силе.

От русского Петра прошение подано:

Как я Петр, жена моя Сымелина, так и товарищи мои Семен и Сидор пришли мы просить Великого Богдыхана о принятии нас в подданство; понеже под заводом находящиеся Белаго Царя люди, там в русском месте не хотят жить, и все те, кои состоят под заводом хотят со всеми домами для хорошего жития к Великому Богдыхану в подданство притти, и ежели возможно будет, то просим великого Богдыхана показать нам милость и отвести для жилья место на пятьдесят, или слишком на сто человек, где мы спокойно будем жить и дань давать. Как известно нам, что прежде сего Великий Богдыхан с покорностью приходящих людей принимал и для жития места давал. Я Петр и жена моя Сымелина имеем четыре сына; а товарищ мой Семен имеет четыре брата, и мы все спокойно и смиренно живущие люди, и потому просим великой милости Богдыханской, дабы мы приняты были в подданство, сего ради прошение подали.

11

1779 года в летних месяцах сказывал нам один Трибунальской офицер, что пред недавним временем получили они от Ургинских Начальников рапорты, в коих писано было, что один Мунгал убежал в Россию, и российские Пограничные Начальники, схватив его, отослали обратно, о чем как доложили Великому Богдыхану, Хан тем весьма доволен был и приказал послать Указы к его пограничным Начальникам, что если впредь будут перебегать российские перебежники и как скоро пойманы будут, так скоро отсылать их обратно к российским Пограничным Начальникам, потому что говорил Хан, когда Россия наблюдает согласие и по силе трактата не принимает наших перебежников, а мы для чегож того не исполняем? И от того времени строгим указом запрещено принимать российских перебежников. После того мы уже ни

Экспликация к плану.

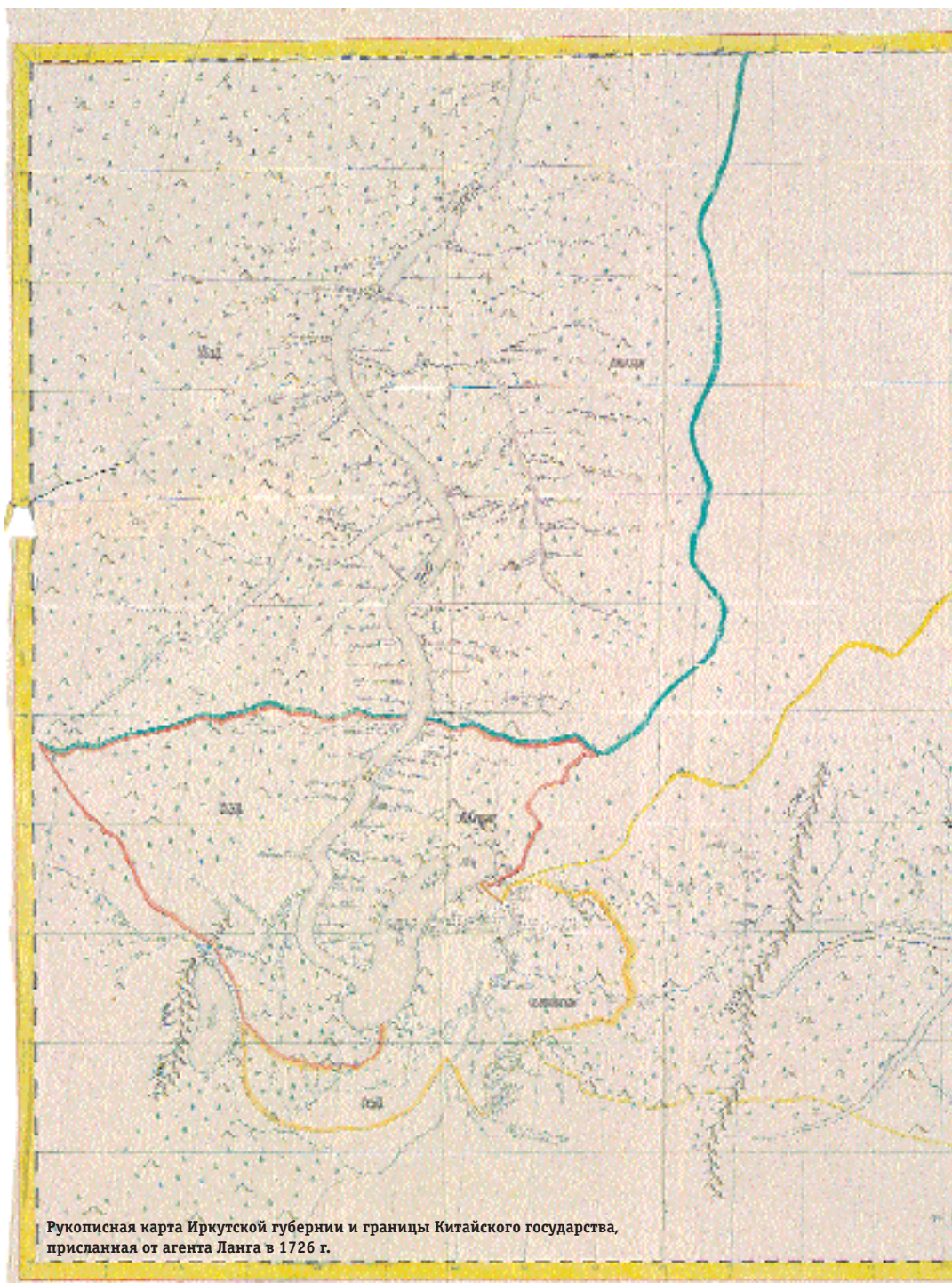
одного перебещика в Трибунале не видали. В самое то время, когда указ состоялся, два перебещика содержались в Трибунале, коих Имянным Указом велено возвратить в Россию; но эти перебещики, бояся наказания, объявили в Трибунале: что ежели их назад возвратят, то они теперь же пред их глазами сами себя предадут смерти и сказали, что лутче им здесь умереть, нежели в Россию ехать, о чем доложили Хану. Хан приказал их в ссылку послать. А мы о сем деле потому известны, что российского языка переводчики и толмачи не могли выразуметь их разговоров и прошения почему Трибунал принужден был нас призвать и спрашивать чрез нас тех перебещиков о причине бегства. На допросе объявили они Трибуналу: один был Новомосковского полку солдат Ефрейтор, который имел в своем смотреии десять человек, и из числа десяти, один украл некоторыя вещи, и когда тот солдат обличился в покраже, то будто бы в допросе оболгал этого Ефрейтора, за что того полку Полковник хотел его жестоко наказывать, от чего он Ефрейтор от страху убежал и крылся близ Ускаменогорской кре-

пости семь годов в камне; а другой его товарищ объявил о себе, что он был одного Майора дворовой человек, и Господин его без причины всегда томил и мучил, а он от нестерпимости бежал и вместе с Ефрейтором жили в камне: у того человека до половины носа норки вырваны были. После сего Трибунальския члены спросили у них, когда они жили в камне, какую они пищу имели и как ее получали; на то они отвечали им: своими трудами добывали, что волка ноги кормят; из сего Трибунал узнал, что они разбоем промышляли, потому что были мошенники, а одеты один в ситцовом халате, а другой в кановатном озяме: их ответу Трибунальския члены весьма много смеялись. При сем спросили Варнака, у котораго норки вырваны были; за что и за какое дело у него нос вырван и лице заклемено? Варнак на вопрос их отвечал весьма смело: известно ведь не задобро норки вырывают. И после сего сице Трибунальския Члены велели нам спросить у них, знают ли они нас какия мы люди и как сюда заехали? На сей вопрос перебещики объявили: мы знаем что вы люди российскийкия; образ и разговоры являют вас такими, а как вы сюда пришли, ведь не иначе также как и мы; но вам Бог дал отменное счастье, авось либо и нас его Богдыханское величество пожалует такими как и вы. Когда мы по приказанию Трибунала спрашивали сих перебещиков, тогда мы в присутствии все трое сидели с присутствующими рядом, и по надетому на нас богатому платью думали перебещики, что мы того Трибунала члены; притом же полагали, что мы такиеж перебещики, как и они; а потому такая ответы и дали Трибуналу. Когда сей ответ сделался известен Трибунальским членам, то они столь много смеялись и хохотали, что от нестерпимости некоторыя из присутствия выбегали; после такового смеха и насадных хохотов отослали их в особливой покой, а мы немного посидя, возвратились на Посольской двор.

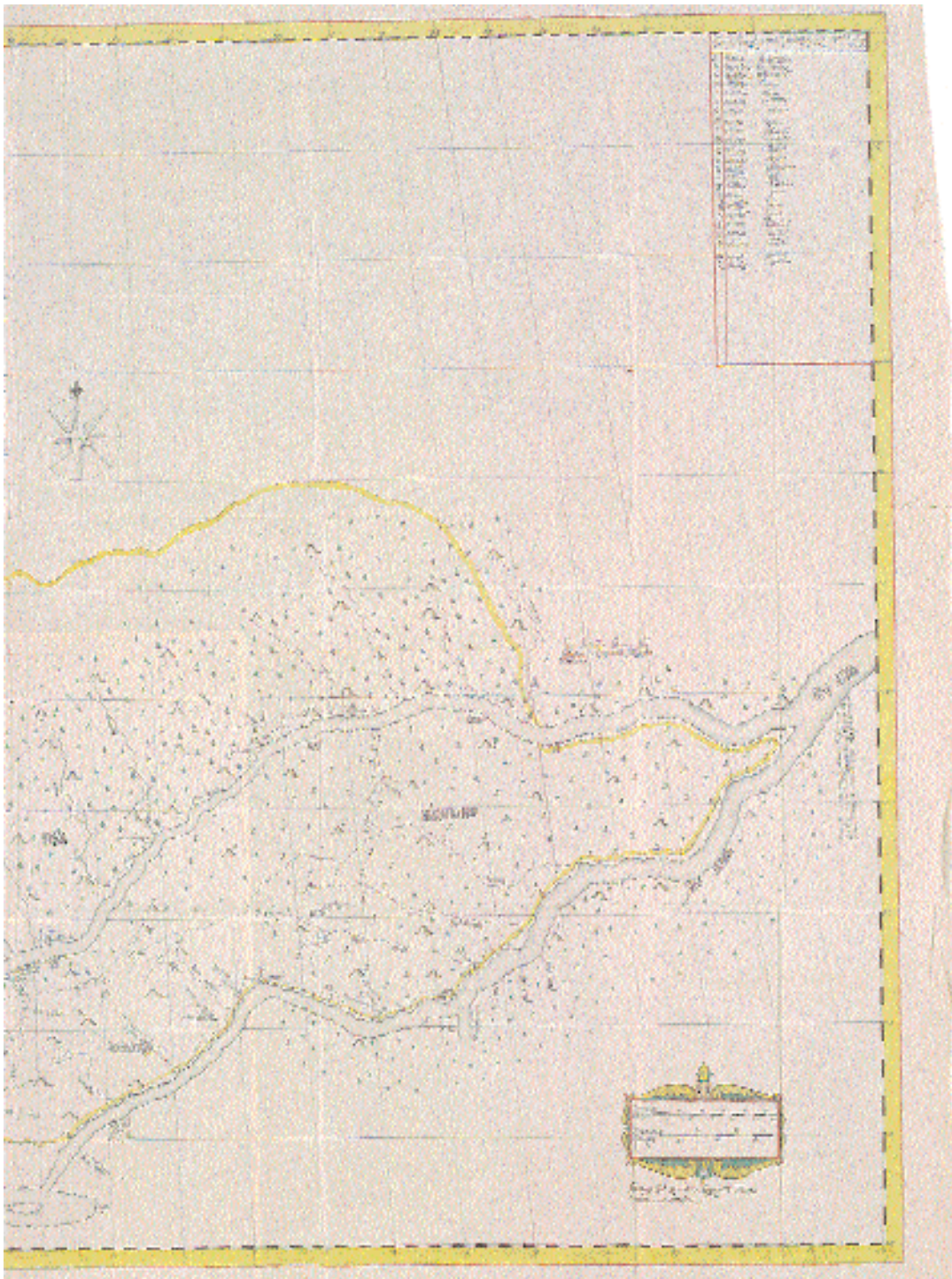
<...>

16

1780 года в зимнее время Ноября месяца в разныя числа приезжавшие на смотр пред Государя и для повышения чинами от Нерчинской границы Солоны¹⁴, между досугами к нам ходили на Российский Посольский двор. У коих мы между разговорами о разных материях спра-

шивали о многих делах, а именно: как у вас в Солонии говорят об нашем войске, на что они отвечали: слышно, что ваши воины умеют городами отстаивать, притом мастера от неприятеля отбиваться и употребляют в сражениях ружья, пушки и в пальбе очень поспешны, и старики наши Солонские говорят, что Китайцы все то могут доспеть, что на яву увидят, а Русские не только то могут доспеть, что увидят на яву, но что и во сне видят и то доспеть в состоянии. Еще спрашивали мы, что у вас в Солонии, Манжурии и окрестных тамошних местах имеются ли рудники золотые и серебряные и откуда получаете вы жалованье. На что они нам в ответ говорили, что в Манжурии, Мунгалии и Солонии и в окрестных наших местах ниже единого рудника не имеется, а что жалованье мы получаем из Манжурии, и в Манжурию каждый год Государь из Пекина на жалованье отпускает серебра семь тысяч девять сот телег, которого се-

ребра малая часть выходит на жалованье тамошних людей, а остальное на сохранение для предков кладут в анбары, и оным серебром многие уже анбары наполнены, и что прежними Государями накопленные анбары стоят преисполненные, то и поныне их не трогают. А Государи наши для того там серебро хранят, что если паче чаяния взбунтуются Китайцы, или другой какой народ возстанет и преоделев Манжуров прогонят отсюда, то Манжурам будет чем жить¹⁵. Хотя Солоны и говорят, что в их местах нет золотых и серебряных рудников, а мы действительно слышали от многих здешних Китайцов и Манжуров, что в тамошних местах есть всякия руды, но Государь здешний не велит их открывать, и потому то Солоны говорят, что там нет рудников. Еще спросили мы у них, как вы там живете, стоите ли на караулах и жалованья вам идет по сколько каждому человеку. На что они нам отвечали, что мы все стоим по карау-

лам, на каждый смене по сту человек, и в объезд ездим безпрерывно. А жалованья каждому человеку идет из казны по лане на месяц. А которые из нас пашню пашут, то таковые провианта не получают, а которые не пашут, то таковым провианту дается по мешку в месяц. Да притом мы занимаемся звериною ловлею, и каких на том промысле зверей добудем, на тех мясо и едим, а кожурины продаем. Спросили мы еще, довольно ли вам сего жалованья, на что они отвечали: в тамошних местах нечего покупать и никто ничего не продает, и так у нас сие жалованье никуда не расходится: почему мы и остаемся довольными.

Еще мы спросили их, что ваше Государство не имеет ли в разсуждении войны какого-нибудь намерения на наше Государство. На что они отвечали, что мы о сем знать не можем, а для всякой опасности у нас в Солонском месте приготовлено артиллерии, или военного орудия, очень довольно, и не только чтоб пушки и ружья были, да еще и материалу для литья разных орудий избыточно; но только говорили они, не дай Бог, чтоб сии два Государства такое дело когда начали.

Еще мы спросили их, когда вы выступаете против неприятеля, надеваете ли панцири и бьетесь с неприятелем пешие, или на лошадях; на что они нам говорили: у нас есть обычай надевать панцири, и всем, которые на войну идут даются, иным железные, иным на бумаге хлопчатой, или на шелку толсто стеганные, но что касается до железных, то не всяк их надевает, потому что после сражения болят руки и грудь.

Еще мы спросили, что вы во время сражения стройно ли все стоите, или нет; на что они нам говорили, что Манжуры, Мунгалы и Китайцы все наблюдают стройность и порядок, а что касается до нас Солонов, то мы не наблюдаем стройности и бегаем около неприятельской армии, побивая неприятельскую силу. Да еще спросили мы, что у вас в строю, кто наперед — Манжуры или Китайцы, или Мунгалы; на что они говорили, что всегда Китайцов наперед выставляют, а по них Мунгал, по Мунгалх Манжур, а мы Солоны, ежели где гладкия и ровныя места, то на конях всегда бегаем, а если где нельзя на конях ездить, то уже тогда должны оставить коней и биться пешком.

Копия с рапорта Манжурскаго и Китайскаго языков ученика Антоня Владыкина от 12-го Ноября 1795 года

Имея навсегда покорность и послушание к великим дражайшаго Отечества особам, за щастие поставляю быть усердным исполнителем их приказаний. Ныне удостоившись получить Вашего Превосходительства секретный Ордер, сыновнею горя любовию, радостно ответствую. Благорасположение Китайскаго Правительства к нашей свите чувствительно нам всем; жалованье от них определенное серебром и пшеном Сарацынским получали мы безостановочно; по прошествии трех лет давали нам на платье серебром: Архимандриту 40, Иеромонахам по 30, ученикам и причетникам по 20 лан; выходить и выезжать нам было не запрещено, что свидетельствуют отъезды Архимандрита и наши на теплыя воды, отстоящая от Пекина 30 верст, и в 20 верстах город Тунь-джу, куда собираются с полуденной Губернии водоходныя суда с товарами; равным образом и знавшимя с нами разным людям было невозбранно к нам ходить. Всем сим пользовались мы во все наше в Пекине пребывание. Непоторжка же Кяхтинская могла бы быть от нас Трибуналом утаена, если бы не имели известия от приятелей, и не приметна была высокая цена пушных товаров; что касается до листов обеих Империй, храня верность и любя истину докладываю: были они нам только ученикам известны посредством же Российскаго языка переводчика именитаго чиновника Юнь-Чина, который, признавая свое малознание в Российском языке, по важности своей должности, учился могу сказать у нас Российскому, а мы взаимно у него Манжурскому языку; у него мы не однократно спрашивали дружески наклонности и мысли министерства, на что откровенно он говаривал, что Россия состоит в уважении у самага Хана и Министры знают ея могущество; но что гордость и глупости бываемыя в их листах, не есть сходственная с сердцем, но наружная и почти необходимая для Манжур политика, дабы не показать своего монарха кого-либо боящимся, и пред кем либо унижающимя; в противном случае лишится Хан своего могущества и воздаемаго от порабощенных Китайцов обоготворения, и будут понимать, что есть ему равный и его больший...

**Публикация и подготовка текста
старшего научного сотрудника НИО рукописей Т. Зариповой**

Примечания

¹ *Война в западнорусских краях – события в Большой и Малой Цзиньчуани (пров. Сычуань), происшедшие в первой половине 1770-х гг., когда правительственные войска вели там боевые действия против местных правителей, вышедших из повиновения цинским властям. Упомянутый здесь А-Гуй был назначен при этом генерал-губернатором Сычуани. Подробнее об этих событиях см. Ларин В.Л. *Юго-Западный Китай во второй половине XVII – 70-х годах XIX в. Проблемы региональной истории.* – М., 1994. – С. 124–127. О Цзиньчуань см. также Н.Я. Бичурин. *Статистическое описание Китайской империи.* – М., 2001. – С. 360–363.*

² *Миоудзы или Мян-дзы – «мяоцзы», традиционное собирательное название народов Юго-Западного Китая, использовавшееся китайцами.*

³ *С 11 до 15 года царствования сего Небом возведенного Императора – 11 и 15 годы правления Цзяньлун приходились на 1746–47 и 1750–51 годы (китайский год не совпадает с европейским: он начинается в январе-феврале и захватывает начало следующего года по европейскому календарю).*

⁴ *Феликса-Рочу – Феликс да Роча (1713–1781), католический миссионер.*

⁵ *При Юн-Ло-Хане – Император династии Мин Чжу Ди, правивший под девизом Юнлэ с 1402 по 1424 год, при котором столица была перенесена из Нанкина в Пекин.*

⁶ *Тоусы – «даоши», то есть даос, даосский священнослужитель.*

⁷ *Тегуань-Дожин – Ли Тегуань, один из даосских «восьми бессмертных» (см. Рифтин Б.Л. *Восемь бессмертных. – Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. – Т. 2. – С. 247–251).* Доужин – в совр. транскрипции даожен, где дао – «Дао-Путь», а жэнь – «человек».*

⁸ *Минского Царства Хун-у-Хана поколение – императоры династии Мин (1638–1644), основанной Чжу Юаньчжаном, правившим под девизом Хунью с 1368 по 1398 год.*

⁹ *Лидзы-Чын – Ли Цзычэн (1606–1645), руководитель антиправительственного восстания, в 1644 году объявил о создании новой династии Дашунь, провозгласил себя императором с девизом правления Юнчан (в «Журнале» – Юн-Дмин или Юн-Джин) и взял Пекин. Вскоре силы Ли Цзычэна были разгромлены вторгшимися в Китай маньчжурскими и присоединившимися к ним китайскими правительственными войсками, а сам он был убит.*

¹⁰ *Хань Шунь жи – Шуньчжи, девиз правления цинского императора Ши-цзу (1638–1661), находившегося у власти с 1644 по 1661 год. В правле-*

ние Шуньчжи маньчжурами был в основном завоеван Китай и к власти там пришла династия Цин.

¹¹ *Тайдзы – тайци, монгольская аристократия.*

¹² *Мунгальская – монгольские.*

¹³ *российских перебежчиков и пленников – Сообщения о российских перебежчиках или пленников в Китае встречаются в источниках начиная с XVII века. В то время подобные события, очевидно, также происходили относительно часто. По сообщению Г. Шарина, который сам в подпитии перешел российско-китайскую границу в 1778 г. в районе Кяхты и был возвращен в Россию только в начале 1780 года, во время своего пребывания в Пекине он видел несколько десятков перебежчиков или российских подданных, задержанных после пересечения границы. В их числе он видел там «привезенных российских людей мужского восемь до одну женку, которые на спрос мой объявили, что они из Усть-Каменогорской крепости, люди дворовые майора и коменданта Аристова, один Андрей Попов, женка именем Анна, а прочих имена запомнил, бежали же они и отдаются в китайское подданство, по причине худого их господином содержания», а также «трех российских солдат, кои сказывали о себе, что бежали из города Усть-Каменогорска». На допросе в Лифаньюань (Ведомство по делам зависимых земель; в «Дневнике» – Трибунал Мунгальский) его спрашивали «для чего российский народ Богу жертвует двумя или тремя перстами, и кои крестятся двумя, тех для чего изгоняют и которая из них вера истинна» (А.Н. Хохлов. *Рассказ Григория Шарина о путешествии в Китай в 1778–1780 гг. – VI научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов.* – М., 1975. – Ч. 1. – С. 184–204).*

¹⁴ *Солоны – очевидно, эвенки, жившие на реке Имин (совр. Внутренняя Монголия).*

¹⁵ *Манжурам будет чем жить – Рассказы о запасах серебра в Маньчжурии были в то время широко распространены в Китае. Н.Я. Бичурин прокомментировал их следующим образом: «Из Пекина ежегодно отправляют в Маньчжурию до полутора миллиона лан серебра на содержание присутственных мест и войск. Китайская чернь составила из сего обстоятельства басню, будто бы в Мугдэни – маньчжурской столице – есть подводные кладовые, в которых настоящая династия скопляет серебро на непредвидимый случай. Эту басню долго повторяли наши миссионеры, возвращавшиеся из Пекина». (Н.Я. Бичурин. *Статистическое описание Китайской империи.* – М., 2001. – С. 142).*

К. Тертицкий

